

Ирина Герасимова

ЗАНЯТИЕ ВИЛЬНЫ РУССКИМИ
ВОЙСКАМИ 8 АВГУСТА 1655 Г.:
СОПОСТАВЛЕНИЕ НАРРАТИВНЫХ
И ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Аннотация. О захвате Вильны русскими войсками было известно в историографии, начиная с работ XIX века Ю. Крашевского и Г. В. Васильевского, использовавших для его воссоздания дневники шляхты и отписки русских воевод. В недавнее время появились новые источники, некоторые были опубликованы Л. В. Заборовским и Д. А. Фриком. Проблема заключается в том, что большинство источников, содержащих описание этого события, не вызывают доверия. Сопоставление между собой свидетельств разных сторон конфликта позволяют полнее реконструировать картину происходившего 8 августа 1655 г.

Ключевые слова: Вильна; Вильнюс; русские войска; захват; источник; сопоставление.

Несколько столетий до «Потопа» Вильна жила размеренной жизнью: военные действия на территории Виленского воеводства проходили, порой, в пятнадцати-двадцати верстах от столицы, как, например, во время русско-литовской Стародубской войны середины XVI века, но не затрагивали саму территорию города¹. В 1655 г. 8 августа спокойное течение жизни было прервано: Вильну захватили русские войска. Военная кампания московского царя Алексея Михайловича на землях Великого княжества Литовского достигла своей высшей точки.

¹ Михаил Кром, *Стародубская война 1534–1537. Из истории русско-литовских отношений*, Москва: Издательский дом «Рубежи XXI», 2008, с. 56.

Специальных статей, посвященных взятию Вильны, этому узловому моменту истории войны Московии и Речи Посполитой, ранее не появлялось. Данное событие довольно кратко описывалось исследователями XIX в. Ю. Крашевским и В. Г. Васильевским в работах, касающихся истории города Вильны, и основывалось на воспоминаниях современников и опубликованных в «Актах Московского государства» документах Разрядного приказа². Слабой стороной этих описаний являлась их односторонность и доверие к выбранному источнику. Последующие авторы, обращавшиеся к теме Вильны под властью русских воевод, писали о занятии города русскими войсками, опираясь на источники, введенные в научный оборот их предшественниками, за исключением Г. Н. Сагановича, привлечшего к работе малоизвестные дневники шляхты, немецкие газеты и путевые заметки иностранцев³.

В настоящее время нарративный и документальный материал по теме значительно расширился: появилось несколько изданий, дополняющих картину занятия Вильны русскими войсками – публикации Л. В. Заборовского материалов Посольского приказа и Д. А. Фрика, напечатавшего рукописную листовку на старонемецком языке с описанием захвата города⁴. В данном исследовании

² Василий Васильевский, «Очерк истории города Вильны», in: *Памятники русской старины в Западных губерниях империи, издано по высочайшему повелению Помпеем Николаевичем Батюшковым*, Санкт-Петербург: Типография А. Траншеля, 1872, выпуск 5, с. 50–51; Józef Kraszewski, *Wilno od początków do roku 1750*, t. II, Wilno: Nakładem i drukiem Józefa Zawadzkiego, 1840, s. 40–41.

³ Maria Łowmiańska, *Wilno przed najazdem moskiewskim 1655 roku*, Wilno: Wydawnictwo Magistratu miasta Wilna, 1929, s. 72–79; Andrzej Rachuba, „Wilno pod okupacją moskiewską w latach 1655–1661”, in: *Lithuania*, 1994, nr 2–3 (nr 11–12), s. 65; Генадзь Сагановіч, *Невядомая вайна. 1954–1667*, Мінск: Навука і тэхніка, 1995, с. 43–47; Elmantas Meilus, „Przynależność etniczna wilnian i ich lojalność względem władzy w czasie wojen z Moskwą w połowie XVII w. Rozważania nad tematem”, in: *Kultura Litwy i Polski w dziejach: tożsamość i współistnienie*, (Materiały międzynarodowej konferencji, zorganizowanej w dniach 15–17 października, 1998 r.), redakcja Maria Kawalec, Kraków: Międzynarodowe Centrum Kultury, 2000, nr 9, s. 94–95.

⁴ Лев Заборовский, *Великое княжество Литовское и Россия во время польского Потопа (1655–1656 гг.)*: Документы, исследование, Москва: Наука, 1994,

вводятся акты из фонда Разрядного приказа Российского государственного архива древних актов; письмо шляхтича Габриэля Любенецкого (с сопроводительной отпиской Януша Радзивилла) неустановленному лицу от 15. 08. 1655 г., хранящееся в шведских архивах; кант на смерть Я. Радзивилла из песенника, имеющегося в Российской национальной библиотеке, в котором описывается картина завоевания города русскими войсками⁵.

Большинство рассматриваемых в статье источников не вызывают доверия. И отписки русских воевод царю, и свидетельства мещан, и дневники шляхты, и высказывания гетманов, и тем более художественные произведения на данную тему, без сомнения, являются тенденциозными и субъективными. Задача настоящей работы – сопоставить информацию о взятии Вильны, сообщаемой русскими воеводами с одной стороны, а с другой – литовскими гетманами, шляхтой и мещанами и попытаться воссоздать ход событий, имевших место 8 августа 1655 г.

За несколько дней до прихода русских войск о серьезной опасности предупреждал горожан и великий гетман литовский Я. Радзивилл⁶. Зажиточные мещане, шляхта, католическое и униатское духовенство, профессора Виленского университета, богатые евреи: все, кто имел такую возможность, в короткий срок подкидали город⁷.

с. 8–33; *Wilniane. Żywoty siedemnastowieczne*, opracował, wstępem i komentarzami opatrzył David Frick, Warszawa: Uniwersytet Warszawski, 2008, s. 326–330. Выражаю признательность магистру истории Юрию Басилову за помощь в переводе описания взятия Вильны со старонемецкого на русский язык.

⁵ Письмо Габриэля Любенецкого с сопроводительной отпиской князя Януша Радзивилла. 1655 г., августа 15. Старофранцузский язык. Ritzkagivet [RA], *Militaria*, vol. M. 1304, fol. 1r; *Русский песенник*. 70-е гг. XVII в. Российская национальная библиотека [РНБ], Пог. 1974, л. 44 об.–45. Выражаю благодарность бакалавру филологии Марии Кожевниковой за перевод письма Габриэля Любенецкого и отписки Януша Радзивилла со старофранцузского на русский язык, проф. Варшавского университета Анджею Карпиньскому за помощь в реконструкции неясных мест канта «Злота Ойчызна ксенства Литевскаго упадла ценжко од разу еднего».

⁶ Василий Васильевский, *op. cit.*, с. 51.

⁷ *Ibid.*

Эту информацию сообщил ксендз Рафаил (Мелешкеив), пойманный 6 августа в полмиле от Вильны и приведенный в стан, находившийся в деревне Крапивна, ко князю Я. К. Черкасскому, командующему русскими войсками⁸. Ксендз сообщил, что «слышал от епископа, будто бы богатые мещане и евреи со своим имуществом из Вильно выехали в Польшу, а в городе остались небогатые люди.»⁹

Поняв, что помощи от короля Яна Казимира ждать не приходится, что «король наш полской незгодной, и не промышляет, и нас не заступает»¹⁰, виленский епископ Ежи Тышкевич и братья Радзивиллы обратились с просьбой о помощи в обороне Вильны к генерал-губернатору Ливонии Магнусу Габриэлю Делягарди. Посредниками выступали виленские купцы, курсировавшие между Ригой и Вильной¹¹. Однако, шведский наместник в Ливонии желал быть посредником в заключении унии ВКЛ со Швецией, а не помощником в обороне «польской» Вильны. В помощи гетману и епископу было отказано¹². Предпринимались попытки договора с русскими властями. 5 августа епископ прислал гонца, трубача Якуба Колчинского к русским боярам и воеводам с двумя листами. Провожали трубача из Вильны дворовые епископские люди «мили з две 15 человек». Русские сотенные ратные люди увидели, как «ехал де тот поляк по дороге к обозам и трубил, и они его взяли.»¹³

В устном допросе трубач Якушка подтвердил информацию, сообщенную ксендзом Рафаилом о тотальном бегстве мещан из

⁸ *Записная книга польских, литовских и немецких людей, взятых в плен в 1654–1659 гг.*, in: Российский государственный архив древних актов [РГАДА], ф. 210, оп. 6, кн. 7, л. 131.

⁹ Александр Мальцев, *Россия и Белоруссия в середине XVII века*, Москва: Издательство Московского университета, 1974, с. 92.

¹⁰ Лев Заборовский, *op. cit.*, с. 27.

¹¹ Андрэй Катлярчук, *У ценю Польшчы і Расей. Вялікае Княства Літоўскае і Швецыя ў часе эўрапейскага крызісу сярэдзіны XVII ст.*, Адбітка з асобнага нумару *Arche*, 2008, № 7–8, с. 105.

¹² *Ibid.*

¹³ Лев Заборовский, *op. cit.*, с. 8.

Вильны: «А в Вильне мещан и бежи много. А жиды и мещанские жены из Вильни многие выбежали в Полшу и в розныя города.»¹⁴ Языков из русского штаба не отпустили: ксендза отдали Федору Михайловичу Ртищеву, а шляхтича-трубача Якуба приказали отправить к генералу Абраму Лесли и посадить под замок до царского указа¹⁵. Возможно, что эта поездка стала последней в жизни Якуба Колчинского, поскольку в присяге двора виленского епископа Ежи Тышкевича, данной в Кенигсберге в феврале 1656 г., его фамилия уже не значится¹⁶.

И в письмах Тышкевича, и в листе, присланном в этот же день от имени гетманов и всей литовской шляхты, была предпринята тщетная попытка остановить, хотя бы на небольшое время, наступление русской рати на столицу¹⁷. В посланиях царю и боярам содержались тактические сведения противнику, информирующие его о большом скоплении польского и литовского войска по берегам Вилии, все возрастающего с каждым днем¹⁸. Эта, не соответствующая действительности, информация была раскритикована русским царем: «пишет вам, что у них войска великие собраны, а то видит и сам, что [...] нигде те их войска против наших великого государя, нашего царского величества ратных людей не стоят.»¹⁹ Просьба об отсрочке битвы привела царя в ярость, поскольку он ждал от гетманов и шляхты челобитной с просьбой о присяге русскому государю²⁰. Позднее царский посол В. Лихарев объяснил гетману Радзивиллу его «ошибку» в переговорах: «[...] а о подданстве ты не писывал

¹⁴ *Ibid.*

¹⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 7. Л. 131 об.

¹⁶ Присяга людей двора умершего виленского епископа Ежи Тышкевича шведскому королю Карлу X Густаву, данная в Кенигсберге. 1656 г., февраля 14. Das Geheime Staatsarchiv Preussischer Kulturbesitz. [GstA] PK. EM 111 k., Nr. 104, fol. 61r–65r.

¹⁷ Лев Заборовский, *op. cit.*, с. 8–13, 16–18.

¹⁸ *Ibid.*, с. 9.

¹⁹ *Ibid.*, с. 14.

²⁰ *Ibid.*, с. 19–20.

[...]. Как было великому государю нашему, пришед под город с такой великой ратью, и рать томить, напрасно стоять бес промыслу [...]. А ты, Радивил ксенжа, в то великое время не умел с королем сослатца.»²¹

Пытаясь достичь компромисса, виленские жители предлагали отдать город без боя русскому царю взамен обещания сохранить их права и вольности. Главным было для мещан при неизбежности занятия русскими войсками Вильны, поскольку они понимали, что «против государевых людей сидеть было в городе не в силу»²², оставить их повседневную жизнь без изменений, попытаться сохранить городские постройки и магдебургское право, в соответствии с которым столица функционировала еще с XIV века. Плененный ксендз Рафаил в расспросных речах открыл кн. Черкасскому чаяния виленских мещан: «и только б де царское величество пожаловал, велел им город и маестности их отдать, и они б ему виленскому государю де били челом и служили ему государю [...]»²³ Но и эти просьбы остались без ответа.

Подробное описание событий, непосредственно предшествующих захвату города имеет рукописная листовка на старонемецком языке, написанная прихожанином лютеранской церкви²⁴. Она содержит сведения о том, что русское войско, включая артиллерию и пехоту, приблизилось к Вильне вечером, 7 августа. Видя мощь противника, Я. Радзивилл и польный гетман В. Гонсевский устроили военный совет, на котором решался вопрос о дальнейших действиях: давать бой врагу или отступить дальше за Вилию, где можно было найти большое поле для сражения. Армия взбунтовалась, поскольку у нее не было надежды на оплату, и не давала собой командовать. Войско разделилось: одни хотели быть с Радзивилом, другие – с Гонсевским, а третьи – спасти свои

²¹ *Ibid.*, с. 29.

²² Александр Мальцев, *op. cit.*, с. 93.

²³ *Ibid.*, с. 93.

²⁴ *Wilnianie*, s. 326–330.

жизни. Матей Ворбек Леттов, бывший врач короля Владислава IV, в своем дневнике преподносит этот факт разделения как спор между гетманами: Радзивилл предлагал уйти войску из города, а польный гетман Гонсевский – защищать мост со стороны города²⁵. Именно в несогласии между гетманами и разделении войска Матей видел причину неудачи битвы за Вильно.

Информация о численности русских войск сильно разнится. Если лютеранин пишет о 30 000 человек²⁶, то Крашевский, опираясь на воспоминания шляхтичей, приводит цифру в 10 раз больше – 300 000 солдат: из них 260 000 русского войска и 40 000 казаков; эту цифру сам он считал завышенной²⁷. Приблизительную численность литовского войска перед захватом столицы ВКЛ восстановил Г. Виснер, обнаруживший документы, связанные с оплатой войскам: «прибывших войск» – 3880 жолнеров (среди них было несколько коронных отрядов), литовского войска – 8030 человек, из которых 2110 «неизвестно когда придут.»²⁸ Общее их количество делилось на две дивизии – Госевского и Радзивилла²⁹. Посполитого рушения пришло 2825 человек из Виленского и Троцкого воеводств³⁰.

Лютеранин повествует о том, что гетманы приняли решение артиллерию, кавалерию вместе с пехотой тайно ночью перевезти через мост³¹. В дневнике Матей Леттова есть важное добавление о том, что ночью войско пошло вдоль города между гор к каменному мосту³². Таким образом, становится очевидным, что это

²⁵ Maciej Vorbek-Lettow, *Scarbnica pamięci. Pamiętnik lekarza króla Władysława IV*, opracowali E. Galos, F. Mincer, redakcja naukowa W. Czaplińskiego, Wrocław [i in.]: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1968, s. 239.

²⁶ *Wilnianie*, s. 326.

²⁷ *Ibid.*

²⁸ Józef Kraszewski, *op. cit.*, s. 41.

²⁹ *Ibid.*

³⁰ *Ibid.*, s. 105.

³¹ *Wilnianie*, s. 326.

³² Maciej Vorbek-Lettow, *op. cit.*, s. 329.

был мост через реку Вилию, находившийся слева от Лукишек, единственный каменный мост в городе.

Утренние события воскресенья, 8 августа описывают источники обеих сторон конфликта. Виленский немец сообщает, что когда утром русские войска вошли в лагерь Радзивилла, то никого уже там не обнаружили: тогда царская армия двинулась в сторону города. Московиты остановились на горе рядом с городом и стали ждать войско противника. Но, поскольку, на горе никого не было, тогда враг решил три полка кавалерии направить к мосту. Полки приблизились к мосту, а оставшиеся русские были на горе и против них литовские войска открыли огонь. В это время жолнеры Радзивилла шли по мосту, и, когда большинство уже оказалось вне города, гетман отдал приказ бросать оборону моста. Московиты в это время через четверо ворот организованно промаршировали в город³³. Какие же это были ворота? Леттов указывает ворота Спасской брамы и Острой брамы, через которые русские войска попадали в город; двое других ворот не уточняются³⁴.

Ряд фактов, изложенных немецким источником, опровергается информацией из противоположного лагеря. Воевода Трубечкой доносил в отписке царю, что русские войска вошли в лагерь Радзивилла, застали там обоз и начали бой, оттесняя литовское войско к городу: «счастьем твоих государевых бояр, и воевод, и наказново гетмана Ивана Золотаренка твои государевы ратные люди пришли на гетманов – на Радивила и на Гасевского и их побили, и с места, с обоза их збили и секли до города.»³⁵

Литовские войска были размещены по двум сторонам города: с внешней стороны стоял Радзивилл со своим войском, а с внутренней стороны – Посполитое рушене с Гонсевским. Немецкий источник пишет, что, шляхта «через предательское

³³ *Wilnianie*, s. 327.

³⁴ *Ibid.*, s. 14.

³⁵ *Ibid.*, s. 19–20.

расстройство не хотело с ним [т. е. с Радзивиллом] соединиться: в результате эта толпа с большими потерями бежала.»³⁶ Сам же польный гетман спасался вплавь, скинув с себя верхнюю одежду. Шляхта столкнулась, помимо русских ратных людей, и с казачьим войском. Наказной казачий гетман И. Золотаренко в отписке царю информировал: «врагов и неприятелей Вашего царского величества сбили, и город Вильню взяли, и много неприятелей вашего царского величества на месте полегло.»³⁷

Потери войска, бывшего с Радзивиллом, оказались невелики. Об этом упоминается в письме Габриэля Любенецкого (с сопроводительной отпиской Януша Радзивилла), предназначавшееся неизвестному «монсеньеру»: «наше войско отступило из Вильны с небольшими потерями, которые произошли в борьбе за переправу через Вилию московитами.»³⁸ Эта же информация присутствует у Матея Леттова: «Которые в то время возам своим сказали идти за мост, те в целости перешли, а которые на той стороне остались – те московитам и казаком достались.»³⁹

Сообщения о длительности боя в немецких и русских источниках разнятся. В немецкой листовке отмечено, что бой длился с 9 до 10 часов утра, после чего русские войска вошли в город: очевидно, имеется в виду бой с войсками Радзивилла на Зеленом каменном мосту. В русских источниках – царских грамотах и отписках воевод указано, что бой длился целый день. В государевой грамоте отмечено, что «гетманы Родивил и Гонсевской со всеми полскими и литовскими и немецкими людьми стояли обозом в полумили от Вилни, и был бой от шестаго часа дни до ночи.»⁴⁰

³⁶ Maciej Vorbek-Lettow, *op. cit.*, s. 240.

³⁷ *Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссиею. Присоединение Белоруссии*, т. 14 (1654–1655), издано под редакцией Геннадия Федоровича Карпова, Санкт-Петербург: Типография Эдуарда Праца, 1889, с. 770 [АЮЗР].

³⁸ RA. Militaria, vol. M. 1304, fol. 1r.

³⁹ Maciej Vorbek Lettow, *op. cit.*, s. 239.

⁴⁰ АЮЗР, с. 771–772.

Врач Леттов уточняет, что москвиты стреляли по мосту, палили предместье целый день. Причем, началось это между 7 и 8 утром и длилось до ночи⁴¹. Особенно, по его словам, отличились драгуны и пехота Радзивилла. Они закрывали собой более слабое войско и людей, пытавшихся пробраться через лес к деревне Мучник. Затем гетманы ушли в сторону Кемели⁴².

В отписке гетмана Золотаренко содержатся сведения о погодных условиях: «с теми ж неприятели Вашего царского величества имели бой сильной чрез весь день. Которые стояли на той стороне города за речкою и мосты попалили, до которых трудно было так скоро переправиться: понеже нам помешкою был дождь сильной. А когда [б] была погода, подлинно едва бы остаток неприятелей вашего царского величества уйти мог.»⁴³ Золотаренко упоминает о поджоге мостов, в результате чего части литовских войск удалось скрыться. В немецком источнике выясняется, что это было войско Радзивилла, а каменный мост великий гетман поджег перед уходом из города, вечером в воскресенье⁴⁴.

Входя в город, русские войска жгли пригороды⁴⁵. Вильну, помимо русских войск, поджигали виленские мещане, не хотевшие, чтобы он достался врагу; затем горожане сами и потушили огонь, чем спасли столицу от испепеления⁴⁶. Матей Леттов был впечатлен масштабом пожара: «Судерву мою, лежащую миль с полторы от Вильны, было видно как на ладони: Троя, пожалуй, никогда так не горела.»⁴⁷

Не вызывает сомнения, что исход битвы был заранее предрешен, поскольку численность русского войска в несколько раз превышала количество литовских людей. Г. Любенецкий

⁴¹ Maciej Vorbek Lettow, *op. cit.*, s. 240.

⁴² *Ibid.*, s. 241–242.

⁴³ АЮЗР, с. 770.

⁴⁴ *Wilnianie*, s. 327.

⁴⁵ *Ibid.*; Лев Заборовский, *op. cit.*, с. 26.

⁴⁶ *Wilnianie*, s. 328.

⁴⁷ Maciej Vorbek Lettow, *op. cit.*, s. 242.

в письме от 15 августа выражал надежду, что только приход виленского епископа Тышкевича, «убежавшего от ужаса в неизвестном направлении», способен собрать «испуганную армию Вильны» и вдохновить на дальнейшую борьбу с врагом⁴⁸.

Немецкий источник пишет о том, что «князь Радзивил боролся, но он один был слишком слаб, поскольку имел всего пять тысяч человек, хотя ему ставили в вину, что он имел войско в числе пятнадцать тысяч.»⁴⁹ Шляхтич в канте на смерть Я. Радзивилла приводит информацию о шести тысячах имевшихся у гетмана воинов вместо пятнадцати. Столь малое их число объясняет жадностью Радзивилла, не желавшего раскошелиться на зарплату ратным людям, что согласуется с вышеизложенными сведениями немецкого источника о недовольстве в военном стане, связанном с отсутствием зарплаты:

Сейм был зрадзивил на оброне Литвы, жебы пятнасце тысенце до битвы. Ты мялес люду едно шесть тысенцей, бралес зе скарбу мильенами венцей: крадлес Ойчызне, скуповалес влощи, роспросциралес свое маетносци, палац коштовны збудовалес в Вилне, замыслевалес велке жеч усилне.⁵⁰

Автору канта вторит шляхтич В. Рудаковский, приводя в своем дневнике распространенные среди этого сословия взгляды на захват города и на роль гетмана в этом поражении: «Алчность власти Радзивилла загубила Литву. Продал Могилев, ограбил Вильну, добровольным побегом своих хоругвей всю Литву отдал в руки русских. Прежде чем русские подступили к Вильне, Радзивилл быстро стал обдирать жителей, нападать на костелы, перетряхивать дома, обобрал городскую казну, а после прихода московского царя пошел в сторону Кейдан к Жемайтии, отягочаемый скарбами Литвы.»⁵¹ Сходное мнение о жадности Радзи-

⁴⁸ RA. Militaria, vol. M. 1304, fol. 1r.

⁴⁹ *Wilnianie*, s. 327.

⁵⁰ РНБ. Пор. 1974, л. 44 об.–45.

⁵¹ Władysław Rudawski, *Historja Polska od śmierci Władysława IV aż do pokoju Oliwskiego czyli szejje panowania Jana Kazimierza od 1648 do 1660 r.*, t. II, Petersburg i Mohylew: Wydał W. Spasowicz, 1855, s. 2.

вила высказывал и каштелян Полоцкий Габриэль Красинский в сатирических виршах, которые были опубликованы Г. Виснером⁵².

Как мы видим, мнения о действиях гетмана Радзивилла кардинально разнятся. Если лютеранин оправдывает их, то шляхта, бывшая на стороне Гонсевского, выступает в роли обвинителя. Сопоставления мнений выявляет глубокие корни противостояния Гонсевский-Радзивилл, что отмечалось историками⁵³. Гибель большого количества шляхтичей Посполитого рушения, оставшегося с Гонсевским в городе, уход Радзивилла со своим войском, понесшим небольшие потери, и затем подписанная им уния со Швецией, многократно усилили ненависть к великому гетману со стороны литовской шляхты.

Кроме ратных людей, в Вильне в момент его захвата оставались простые горожане, которые, как могли, спасались от наступления неприятельских войск. Один из авторитетных раввинов Вильны Моше Ривкес вспоминал в своей книге *Безр Агола (Родник для изгнанных)* как убегал от московитов с посохом и парой тфилин⁵⁴ в руке: «Когда страшное войско подошло к воротам Вильно, из города бежала почти вся еврейская община – одни на лошадях и повозках, другие пешком, неся малолетних детей на плечах. Далек разносились рыдания и из моих глаз слезы текли ручьем.»⁵⁵

Немецкий источник повествует о том, что когда русские войска вошли в город, то жители кинулись бежать к мосту.

⁵² Henryk Wisner, *Janusz Radziwiłł 1612–1655: wojewoda Wileński, Hetman Wielki Litewski*, Warszawa: Wydawnictwo MADA, 2000, s. 196.

⁵³ Генадзь Сагановіч, *op. cit.*, с. 45.

⁵⁴ Тфилин или филактерии – элемент молитвенного облачения иудея: две маленькие коробочки из выкрашенной чёрной краской кожи кошерных животных, содержащие написанные на пергаменте отрывки (паршиот) из Торы.

⁵⁵ Биография раби Моше бар Нафтали-Гирш Ривкеса (ум. 1672). Электронный ресурс. Точка доступа: http://toldot.ru/tora/rabbanim/rabbanim_12399.html?template=83.

«Но это уже было поздно – пишется в листовке. – Некоторые с оружием пытались прорваться через мост – падали с моста и захлебывались в воде. В сумме стало это большим бедствием, которое невозможно описать.»⁵⁶ Свидетельство о скоплении большого количества людей на мосту содержится в отписке Трубецкого: «[...] и которых, государь, польских и литовских людей в Вилне застали, и которые за мост перебратца не успели, побили и поимали.»⁵⁷

В книге Полоцкого магистрата сохранилось еще одно воспоминание о том, что происходило на мосту, написанное полочанкой Яной Дзягилевич, потерявшей во время захвата Вильны мужа, писаря Федора Дзягилевича. Оно было опубликовано белорусским историком М. Гордеевым в подборке документов о жизни полоцких мещан во время московской оккупации города⁵⁸. Дзягилевич с семьей после взятия Полоцка год проживал в Вильне и бежал среди виленцев во время захвата города русскими войсками.

Жена писаря информирует, что, убегая от русских, мещане образовали большую очередь из возов и коней при перехождении каменного моста через реку Вилею. «А так, кгда, выехавши з самого места, приближыл се до моста мурованого, на реце Вели[и] будучого, там же, за великою тижьбою люди уходячых, коней и возов своих не могли през тот мостъ сами передобыться, ани возовъ перевести.»⁵⁹ Именно эта задержка позволила русским солдатам нагнать беглецов, разграбить их вещи и взять часть людей в плен. Полочанина Федора Дзягилевича пленили и увезли

⁵⁶ *Wilnianie*, s. 327.

⁵⁷ РГАДА, ф. 210, Разрядный приказ, Московский стол, стб. 263, л. 42.

⁵⁸ Апаваданне жонкі полацкага магістрацкага пісара Ф. М. Дзягілевіч пра захоп ў палон яе мужа пад час штурму Вільні войскамі ц. Ал. Міх. 17. 08. 1657 / Міхаіл Гардзеў, «Под час небеспеченства од Москвы» (актавая кніга полацкага магістрату за 1656–1657 г. як крыніца па вывучэнні вайны 1654–1667 г.), in: *Беларускі Гістарычны Агляд*, т. 6 (сш. 1–2), 1999, с. 211–212.

⁵⁹ *Ibid.*

в Московское царство, а жене Дзягилевича с детьми удалось скрыться от преследователей и убежать на Прусские земли:

В ту пору наступившы конно, огнисто рать царского величества великими полками, вперед помененого малжонка ее, жалобивого, пана Яна Дзягилевича, писара меского полоцкого живо в полон възяли, а потом всю маетность рухомую, на возах будущую, которое было, легко рахуючи, на колконадцать тысячи в золоте, серебре, цыне, меди, въ грошах готовых и в рознымъ охендстве, – то все з возов побрали, а справы, обликги и привилья иные подрали, пошарпали, в иные целом в болото на землю покидали, из фастыкулов розсыпали.⁶⁰

Случай с Дзягилевичем показывает и то, что в Вильне к моменту штурма города находились мещане из других городов, ранее захваченных русскими войсками. Списки прибывших с Яном Радзивиллом в Пруссию мещан, беженцев из ВКЛ, включали по подсчетам исследователей не менее 6000 человек⁶¹. При этом, виленцев было не менее полутора тысяч человек. Возможно, что часть мещан из других белорусских городов попали в Пруссию через Вильну и были, подобно семье Дзягилевичей, свидетелями и жертвами штурма столицы Литовского княжества.

Данный аспект при подсчетах потерь среди мирных жителей во время захвата города исследователи не учитывали, беря в расчет только жителей Вильны. В работе Васильевского фигурировала цифра 25000 погибших, приводимая современниками событий⁶². М. Ловмянська, считавшая, что данное количество убитых мещан сильно завышено, попыталась выяснить реальное количество горожан, проживавших в Вильне до ее захвата⁶³. В своих расчетах исследовательница основывалась на переписи мужского

⁶⁰ *Ibid.*, с. 212.

⁶¹ Henadz Sahanowicz, „Wychodźcy z Wielkiego Księstwa Litewskiego w Prusach 1656 roku”, in: *Lituanio-Slavica Posnaniensia: studia historica*, t. IX, Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 2003, s. 244.

⁶² Василий Васильевский, *op. cit.*, с. 52.

⁶³ Maria Łowmiańska, *op. cit.*, s. 76–77.

населения Вильны 1648 г., в которой были зафиксированы 2768 фамилии способных к бою мужчин. Эта цифра, по ее мнению, составляла приблизительно пятую часть населения, и таким образом, потери жителей составили около 14000 человек. Историки Саганович и Мейлус высказали сходные предположения о том, что было истреблено около 7–8 и 8–10 тыс.⁶⁴ Учитывая возможность того, что в городе перед захватом могло быть большое скопление жителей из других городов ВКЛ и ратных людей, оборонявших город, сведения современников, вероятно, не намного отличаются от реального количества погибших. Таким образом, источники не позволяют даже приблизительно подсчитать виленцев, убитых во время захвата города.

Ворвавшись в город, русские войска крушили все, что попадалось на пути. Особой жестокостью, по мнению автора немецкой листовки, отличились казаки, которые «без меры предавались тирании». Лютеранин описывает ужасы войны, когда католических и униатских священников казаки обезглавливали и затем крестом «гоняли по площади» их головы⁶⁵. Картины захваченной столицы ВКЛ включает и текст канта, где описываются реки крови и лежащие мертвыми на площадях перед храмами монахи и монахини:

Столица наша Вильна укохана з оздоб, з достатков, з Ойчизны зобрана.
Косциол и зборы богате збуроне, будовне гмахи в попиол оброцоне.
Крев се невинна лее рынштоками, дзятек и матек ренбанных шаблями,
Законных особ обоеи плчи веле легло на пляцу пры каждым косцеле.⁶⁶

Описания ужасов войны в виде рукописных и печатных листовок ходили по Европе в раннее Новое время в период войн и были своего рода общим местом, привлекавшим воинов-наемников на работу. Но есть одна деталь – в тексте канта описываются заколотые саблями дети и женщины, но почему-то отсутствуют

⁶⁴ Генадзь Сагановіч, *op. cit.*, с. 46; Elmantas Meilus, *op. cit.*, s. 94–95.

⁶⁵ *Wilmianie*, s. 329.

⁶⁶ РНБ. Пог. 1974, л. 44 об.–45.

мужчины. Объяснение этому мы находим в немецкой листовке: «Царь запретил убивать мужчин – только женщин, однако, – повествует источник – солдаты молодых женщин щадили и делили между собой. Мужчины же брались в плен, среди них были и немцы.»⁶⁷

В своих переговорах с русскими послами гетман Радзивилл ставил в вину русским войскам жестокость, с которой они расправлялись с жителями Вильны и ее ближайших поветов: «наши дома, и белогловы бабы, и робяты малыя за што сечь и дома палить: нигде такого разорения нет.»⁶⁸ На это царский посланец В. Лихарев дипломатично заметил: «а тово посеченья не ведаю, авося будет и то есть: война без тово не живет.»⁶⁹

В отписках русских военкомандующих упоминаются пленники взятые на бою за Вильну. «Также на том бою взяли есмь языков многих и двадцать знамен» – пишет царю наказной гетман Золотаренко⁷⁰. Воевода Трубецкой приводит точную цифру – 110 языков⁷¹.

Списки людей, взятых на боях в разных литовских городах в плен, а также росписи захваченных знамен имеются среди документов Разрядного приказа, в том числе росписи, касающиеся Вильны: «Августа въ 2 день писали к государю, царю <титул> боярин и воиводы князь Яков Куденетович Черкасской с товарищи и прислали из полку на стан в деревню Декенево с Ондреем Кузминым литовских людей, взяты под Вилнею на бою июля в 29 день», и «взяты в Вилне.»⁷² Число дано по старому стилю, принятому в то время в Московии. В списке фигурирует 2 шляхтича и 5 мещан. Золотаренко 6 августа прислал 6 пленников в Разряд: шляхтича

⁶⁷ *Wilmianie*, s. 330.

⁶⁸ Лев Заборовский, *op. cit.*, с. 28.

⁶⁹ *Ibid.*

⁷⁰ АЮЗР, т. 14, с. 770.

⁷¹ РГАДА, ф. 210, Разрядный приказ, Московский стол, стб. 263, л. 42.

⁷² РГАДА, ф. 210, оп. 6, кн. 7, л. 134–134 об.

Доминика Паца, виленского городского Станислава Святковско-го и немцев, один из которых – оружейных дел мастер Усван Витчей⁷³. Следующая партия пленных, взятых в бою за Вильну поступила в Разряд из полков князя Черкасского 16/5 августа: 14 шляхтичей, 10 мещан, 3 крестьян, 3 драгунов и 5 немцев⁷⁴.

Всего было принято в Разряде 48 пленных – из них двое умерло в Вильне в тюрьме, а взятый, очевидно, по ошибке, в плен православный священник Данило Романов был отпущен 10 сентября, и ему было дано разрешение отправлять Божии службы «в Вильне или в иных государевых городех и уездех, где онъ похочет.»⁷⁵ Остальные пленники, среди которых находился и уже вышеупоминавшийся полоцкий писарь Ян Дзягилевич, были поделены между боярами или отправлены с детьми боярскими к Москве, а оттуда было велено их переправлять в «понизовые» и в сибирские города⁷⁶. В росписи, помимо людей, числятся три знамени, захваченные русскими полками в Вильне⁷⁷. 20 трофейных знамен, заявленных наказным гетманом Золотаренко в отписке царю, поступили в Розряд 7 августа, еще одно принес донской казачий атаман Беляй Василев⁷⁸.

Большой ажиотаж среди русского и казацкого войска вызвало богатство столичной Вильны – его храмов и дворцов. Лютеранин в своей листовке уделяет внимание теме разграбления города, сообщая о тотальном разрушении русскими солдатами католических и униатских храмов, сдирании меди с церковей и снятии колоколов⁷⁹. Приведенные им сведения подтверждаются свидетельствами простых русских солдат, среди которых был боярин из Арзамаса Василий Сергеев сын Микулин. Боярин во

⁷³ *Ibid.*, л. 141 об.–142 об.

⁷⁴ *Ibid.*, л. 13–137.

⁷⁵ *Ibid.*, л. 134 об.

⁷⁶ *Ibid.*, л. 137 об.–139 об., 142.

⁷⁷ *Ibid.*, л. 137–137 об.

⁷⁸ *Ibid.*, л. 142 об.–145 об., 135–135 об.

⁷⁹ *Wilnianie*, s. 330.

время взятия Вильны искал себе что-нибудь ценное в уже разграбленной церкви и нашел оброненный кем-то во время грабежа напрестольный крест. Крест в 1658 году был передан Микулиным в Муромский Троицкий монастырь⁸⁰. История о виленском кресте получила литературное оформление в конце XVII века и была широко распространена в русских сборниках XVIII–XIX столетий под названием «Повесть о чудесах виленского креста»⁸¹. Приведу текст по наиболее раннему списку к. XVII в.:

Когда великому государю Бог поручил взят литовский град Вилну и в то время и аз был на сво государеве службе под градом Вилною. И как вошли в тот град служивых людей много, и внидоша в литовскую церковь, такожде и аз вшел, хотя что взять, и до мене все взято, и токмо увидев на помосте церковномъ сронен сей Честный и Животворящи Крест Господень, и яз его взял.⁸²

Путь, который проделал виленский крест, перекликается с судьбой другого трофея – церковной певческой книгой Ирмолой. Рукопись была написана иноком униатского Свято-Троицкого монастыря в январе 1655 г. и предназначалась для отправления монастырских служб. В дальнейшем, в 1663 году Никита Иванов сын Козлов отдает этот Ирмолой в качестве вклада по родителям в Амвросиев Дудин монастырь⁸³. В настоящее время книга

⁸⁰ О. А. Сузова, В. Г. Пуцко, *Виленский крест, по данным повести и ювелирного изделия*, электронный ресурс, точка доступа: <http://www.museum.murom.ru/wwwmus/Uwar/5/suhova-pucko.htm>.

⁸¹ Татьяна Руди, «Еще раз о датировке «Повести о чудесах Виленского креста»», in: *Труды отдела древнерусской литературы*, т. 51, Санкт-Петербург: Российская академия наук, Институт русской литературы, (Пушкинский Дом); 1999, с. 232–242; Т. А. Брун, «Муромская «Повесть о чудесах Виленского креста»», in: *Труды отдела древнерусской литературы*, т. 34, Ленинград: Академия наук СССР, Институт русской литературы, (Пушкинский Дом), 1979, с. 323–331.

⁸² Государственный Исторический Музей [ГИМ]. Муз. 517, л. 120 об.–121, к. XVII в.

⁸³ Юрий Ясиновський, *Українські та білоруські нотолінійні Ирмолой 16–18 століть*: Каталог і кодикологічно-палеографічне дослідження, (Історія української музики, випуск 2: Джерела), Львів: Видавництво Отців Василіян «Місіонер», 1996, с. 154.

хранится в Синодальном Певческом собрании Государственного Исторического Музея в Москве⁸⁴.

О том, как продавались трофеи, выясняется по актам 1667–1668 гг., связанным с возвращением из Московии ценностей, вывезенных из Речи Посполитой. Воевода приграничного города Козловца на запрос из Разряда о том, есть ли у горожан вещи, привезенные из соседнего государства, отвечал, что имеются книги «церковные, печатные, а печатаны в Киеве, Вилне и в иных городех русским языком», а также колокола, с подписями «на тех колоколах литовского языка», иконы и кадила⁸⁵. Козловчане не хотели отдавать эти вещи обратно, аргументируя тем, что эти ценности не были вывезены самими горожанами, а были куплены на свои деньги или взяты в городах по левую сторону Днепра – в Киеве, в Белой церкви и «у черкас». А где казаки взяли эти вещи, козловчане об этом ничего не знали⁸⁶.

Таким образом, сопоставление мнений о захвате города Вильны выявляет расхождения в оценках современников, касающиеся численности русских войск, времени и длительности боя, виновных в падении столицы ВКЛ. Свидетельства совпадают, когда речь идет о жестокости, с которой русские войска расправлялись с мирным населением, источники обеих сторон конфликта повествуют о большом количестве погибших горожан при переправе через каменный мост. Вывоз трофеев из Вильны находит подтверждение в документальных источниках, связанных с судьбой отдельных предметов культуры и их дальнейшей реализацией.

Iteikta: 2011-03-24

Priimta: 2011-06-07

⁸⁴ ГИМ. Син. певч. 32.

⁸⁵ Отписка из Козловца А. Щепотева царю Алексею Михайловичу об отправке в Москву вывезенных во время войны польских и литовских вещей, 1668 г. февраля [1–28], РГАДА, ф. 210, Приказной стол, стб. 385, л. 81.

⁸⁶ *Ibid.*

Ирина Герасимова

THE SEIZURE OF VILNIUS THE 8TH OF AUGUST, 1655:
A COMPARISON OF SOME NARRATIVE
SOURCES AND DOCUMENTS

Summary

The focus of this paper is the comparison of the some narrative sources and documents on history of the seizure of Vilnius, the capital of the Grand Duchy of Lithuania, at the middle of the seventeenth century. It happened the eighth of August, 1655. The evidence of contemporaries did not agree on the number of the Muscovite army, the time and the duration of the battle, in search of a guilty of this event. The assessments coincided when they were told about the brutality of Russians and Cossacks and the bulk of the dead merchants, who had tried to cross the stone bridge. They were found out the testimonies about facts of the resale of the trophy things and the cases of altarages of the captured Vilnius' church valuables to Russian monasteries.